

ЧАСТЬ 2 ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

А. Л. Савельев

ЗНАКОВАЯ ТЕОРИЯ БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА

Пожалуй, трудно назвать мыслителя, оказавшего большее влияние на западную культуру мысли, чем Августин, епископ Иппонийский. Влияние это было практически непрекаемым на протяжении более чем тысячи лет, да, впрочем, сохраняет свое значение и до наших дней. Автор многосторонний и разноплановый, Августин немалую часть своих трудов посвятил «словесным» искусствам, тем более что он довольно долгое время был преподавателем риторики и смежных дисциплин сначала в Карфагене, затем в Риме и Медиолане (Милане). К этому периоду относятся, в частности, такие его работы, как «*De Grammatica*», «*Principia Dialecticae*», «*Principia Rhetoricae*». К корпусу логических трудов Августина следует также отнести диалог «*De Magistro*» и более позднюю работу «*De doctrina christiana*».

Интересно, что в логике Августин следовал стоической традиции, по видимому, более глубоко укоренившейся на Западе, в отличие от Востока, где все-таки преобладала перипатетическая методология. Причем, скорее всего, сам Августин не предполагал, что развивает именно стоические взгляды: в «*De civitate Dei*» он весьма негативно отзываясь о стоиках и превозносит платоников. Между тем его работа «*De dialectica*», от которой, к сожалению, сохранилась только первая часть, ныне считается наиболее полным из дошедших до нас изложений стоической диалектики. Известный исследователь стоицизма К. Барвик свое сочинение о стоической логике прямо и начинает с диалектики Августина¹.

Dialectica est bene disputandi scientia – с такого определения начинается работа «*De dialectica*». *Disputandi* в данном случае означает прежде всего «спорить», в смысле «обсуждать», «доказывать», «обосновывать». «Спорим же мы при помощи слов», – продолжает Августин; таким образом, диалектика оказывается прежде всего наукой о словах². Слова Августин подразделяет на простые и сложные; простые – те, что обозначают что-то одно; сложные обозначают несколько вещей. Так, в

¹ *Barwick K. Probleme der stoischen Sprachlehre und Rhetorik. Berlin, 1937. S. 8.*

² Под «словами» здесь следует понимать словесные выражения вообще, включающие любое количество слов.

частности, глаголы первого и второго лица относятся к сложным словам, поскольку обозначают и действие, и его субъект; глаголы же третьего лица Августин относит к простым словам, поскольку субъект там явно не обозначен. Исключения составляют *pluit* (идет дождь) и *pinguit* (идет снег), поскольку субъект здесь все же подразумевается.

Сложные (*coniuncta*) слова обозначают несколько вещей, как, например, «*homo ambulat*». Некоторые из сложных слов образуют предложение (*sententia*), некоторые – нет. Те, что составляют предложение, бывают также двух видов: те, что могут быть приняты или отвергнуты (т.е. поддаются верификации), и те, что нет, как, например, приказы, желания, проклятия и проч. Те предложения, что поддаются верификации, в свою очередь, делятся на простые и сложные: простые, как, например, «Этот человек идет»; в сложных суждение выносится относительно связи простых предложений, как, например, в силлогизме:

«Тот, кто идет, движется.

Этот человек идет.

Следовательно, этот человек движется».

Итак, диалектика представляется прежде всего наукой о словах, а соответственно вышеприведенному делению слов выделяются и собственные разделы диалектики: 1) *de loquendo* (о сказываемом) исследует простые слова, составляющие как бы материю диалектики; 2) *de eloquendo* (о речениях) исследует те сложные слова, которые не составляют предложения, и те, что составляют не поддающиеся верификации предложения; 3) *de proloquendo* (о высказываниях) исследует простые предложения, поддающиеся верификации; и, наконец, 4) *de proloquiorum summa* (о выводе) исследует связи простых предложений, силлогизмы.

Слово, пишет Августин, есть знак некоторой вещи, доступный слуху при произнесении. Вещью называется то, что ощущается, понимается или скрыто (подразумевается). Говорить – значит подавать знаки при помощи членораздельных звуков. Членораздельными же звуками называются те, что могут быть записаны буквами. Записанные слова – знаки слов. В то же время звуки сами по себе не имеют отношения к диалектике: звучание согласных, разбиение слов на слоги, ударения и ритм – все это следует отнести к компетенции грамматики. Впрочем, добавляет Августин, если об этих предметах ведется спор, то тогда он также относится к диалектике.

То, что в словах касается не чувств, а разума, называется *dicibile* – высказываемое, перевод греческого *λεκτων*. Если же слово нечто обозначает, то оно называется *dictio*. Всего, таким образом, следует различать четыре следующих аспекта: *verbum*, т.е. слово, поскольку оно представляет собой членораздельный звук, при этом *verbum* может ничего не означать; *dicibile* – высказываемое, или содержание слова для ума;

dictio – объединение первых двух аспектов; и *res* – вещь, то, что обозначается словом.

Предметом диалектического рассмотрения, таким образом, может быть любое слово, за исключением того, что относится исключительно к области звука. Рассмотрение «материи» диалектики, простых слов, по Августину, включает четыре следующих рубрики: исследование их происхождения, силы, отклонения и порядка. Происхождение слов, пишет Августин, вещь наиболее любопытная и наименее полезная (*res nimis curiosa et minus necessaria*); тем не менее он приводит несколько примеров этимологий и даже дает некоторую классификацию основных этимологических приемов.

Под силой слова подразумевается то влияние, воздействие, которое оно оказывает на слушателя. Воздействие слов может осуществляться либо само по себе, либо благодаря значению, либо посредством того и другого. Воздействие само по себе может осуществляться обращением к чувству, искусству, либо тому и другому. Чувство может быть возбуждено по природе или по обычаю. По природе: например, имя Артаксеркс звучит неприятно, режет слух, а имя Эвриал, напротив, мягко улаживает слух. По обычаю: когда за определенными созвучными словами закреплено разное содержание, так что одно возбуждает слушателя, а другое – нет.

Возбуждение по искусству осуществляется тогда, когда слушающий обращает внимание на то, какая это часть речи, сколько имеет слогов и прочие чисто грамматические аспекты. Наконец, обоими способами слова возбуждают слушателя, когда он одновременно устанавливает и некоторые грамматические особенности, и в то же время воспринимает умом значение слова.

Надлежащему осуществлению силы слов мешают два препятствия: неясность (*obscuritas*) и двусмысленность (*ambiguitas*), которые, впрочем, часто бывают близки. Всего Августин выделяет три рода неясности:

- 1) когда нечто открыто чувствам, но закрыто для ума;
- 2) когда нечто открыто для ума, но закрыто для чувств;
- 3) когда нечто закрыто и для ума, и для чувств.

Поясняет он это следующим образом: допустим, учитель в классе произносит тихо: *temetum*³. А так случилось, что те, кто сидят ближе, не знают, что такое *temetum*, но те, кто дальше, знают. И вот первые ряды слышат звуки достаточно отчетливо, но разумом не воспринимают значения слова. Те, что сидят дальше, слышат не столь отчетливо, но домысливают известное им значение. Те же, что сидят дальше всех и не слышат, и не понимают.

³ Крепкое вино, брага.

Другой пример неясности: в той же обстановке учитель произносит уже всем хорошо известное слово *agnus* и не говорит больше ничего. Что здесь неясного? Тем не менее могут возникнуть вопросы: подразумевается ли часть речи? или стихотворный размер? идет ли речь о Помпее? или, может быть, о Вергилии, который также признается великим среди поэтов? и проч., и проч. Здесь, как видим, неясность оказывается более сродни двусмысленности.

Поэтому, пишет Августин, диалектики справедливо говорят, что всякое слово двусмысленно. Но это относится прежде всего к отдельным словам. Слова, соединенные в высказывания или рассуждения, уже не столь двусмысленны. В общем случае выделяется два рода двусмысленностей: те, что относятся к тому, что говорится, и те, что относятся к тому, что написано. Из них первый род подразделяется на два: когда подразумеваются несколько смыслов в слове, то они либо подходят под одно определение, либо нет. Те, что подходят под одно определение, называются *univoca* (однозвучные); те, что нет, – *aequivoca* (равнозвучные). Пример первого рода: «человек» говорится о мальчике, юноше, мужчине, старике, глупце и мудреце, гражданине и страннике и т.д. Но все они подходят под одно определение человека. *Aequivoca* делятся на три вида: двусмысленность может проистекать от некоего искусства (*ab arte*), от обычая (*ab usu*) или от того и другого.

От искусства: как, например, когда одно в слове подразумевает диалектик, а другое – грамматик. Так, *Tullius* для диалектика – имя оратора, а для грамматика – дактиль. От обычая: словом *Tullius* может быть обозначен сам оратор, его изображение, его статуя, собрание его сочинений, наконец, его останки в гробнице. Пример двусмысленности третьего типа: «Многие писали дактилем, как Туллий». Здесь Туллий (*Tullius*) может означать и имя оратора, и сам по себе размер дактиль (один долгий и два кратких слога).

Двусмысленности *ab arte* делятся на два рода: те слова, что служат примерами самих себя, и те, что нет. Примеры первого рода: *nomem* (имя) есть имя, *dactylus* (дактиль) есть дактиль. Но *adverbium* (наречие) не наречие, а имя; а *creticus* (кретик, стихотворный размер: долгий-краткий-долгий) не кретик, а дактиль. Двусмысленности *ab usu* делятся также на два рода: те, что одного происхождения, и те, что разного происхождения. Первые происходят из одного источника, но не подходят под одно определение, как *Tullius* – оратор, статуя, книга и проч. Пример второго рода *peros* имеет значения «внук» и «мот», «транжира».

Двусмысленности *ab usu* одного происхождения делятся на два вида: те, что произошли вследствие переноса (*translatio*), и те, что произошли вследствие отклонения (*declinatio*). К первому типу относится вышеприведенный пример с Туллием, а также использование рода вместо вида, вида вместо рода, части вместо целого, целого вместо части,

причины вместо следствия и т.п. К двусмысленностям, пронзительным вследствие отклонения, следует причислить степени сравнения, различия падежей и т.п. Двусмысленности *ab usu* разного происхождения делятся также на два вида: те, что обусловлены различием языков, и те, что осуществляются в одном языке. Пример первого рода: *tu* – в греческом это артикль мужского рода в родительном падеже, а в латинском – местоимение «ты». Двусмысленности в пределах одного языка могут относиться к одной части речи или к разным. К одной – как в вышеприведенном примере с *peros*; к разным – как *qui*, что может означать и наречие «чем», и местоимение «кто».

Таково в основных своих чертах учение о двусмысленностях, связанных с речью. Что касается двусмысленностей, присущих письменам, то Августин разделяет их на три рода: зависящие от длины слога, зависящие от ударения и зависящие от того и другого. На этом, собственно говоря, имеющийся в нашем распоряжении фрагмент «*De dialectica*» и обрывается.

Итак, то, что рассмотрено выше, говоря словами Августина, – «материя» диалектики, исследование семантики изолированных слов. Следует обратить внимание на то, как Августин проводит различие между диалектикой и грамматикой: обе науки имеют непосредственное отношение к слову, но поскольку и само слово состоит из двух необходимых компонентов – звука и значения, то и компетенции этих наук основываются на различии этих двух компонентов. При этом, однако, учение о частях речи, хотя оно и не имеет непосредственного отношения к звуку, Августин относит к компетенции грамматики. Кроме того, слова, по мысли Августина, оказываются частными случаями знаков, т.е. знаками, обозначающими вещи при помощи членораздельных звуков. Таким образом, и диалектика, и в меньшей степени грамматика (рассматриваемая как учение о звуках речи) находят свое обоснование в более общем учении о знаках, элементы которого, в частности, излагаются Августином в диалоге «*De Magistro*», время написания которого близко ко времени создания работы «*De dialectica*».

Композиция диалога – разговор между Августином и его сыном Адеодатом, вскоре внезапно умершим. По свидетельству самого Августина (Исповедь, IX, 6), в диалоге отражены подлинные слова и мысли Адеодата, отличавшегося большими способностями к наукам. «Каковы причины речи? Для чего мы говорим?» – ставятся вопросы в начале диалога. Говорим мы для того, отвечает Августин, чтобы научить чему-то или напомнить о чем-то (гл. I); таким образом, основное назначение речи, по Августину, – передача информации и стремление вызвать воспоминания. При этом пение и молитва, например, не относятся к корректному определению речи, поскольку пение может осуществляться и для собственного удовольствия, а во время молитвы мы ничему не учим

Бога», как и не стараемся вызвать у Него воспоминания. Собеседники соглашаются, что слова – это знаки, и, поскольку всякий знак что-то означает, ставится задача выяснения значений таких слов, как *si* (если), *nihi* (ничто), *ex* (из), основывающаяся на разборе строчки из Вергилия. Получается, что всякое слово можно объяснить посредством других слов, но не ко всякому слову можно указать какой-то предмет, который оно обозначает. Некоторые предметы можно задать остенсивно, но даже не все телесные вещи задаются таким способом, а только лишь видимые; так, например, невозможно указать на запах, вкус, вес и пр.

Знаки могут быть показаны и посредством другие знаков, так *ex* может быть показано жестом или каким-нибудь другим знаком. Существуют также вещи, которые могут быть показаны непосредственно, например, если кто спросит, что такое «ходить», то можно показать это непосредственно. Но указанный род вещей не может быть продемонстрирован, когда мы их совершаем: так, например, нельзя показать без знака, что такое «сидеть» сидя. Однако сама речь не относится к этому роду, так как во время речи мы можем средствами самой речи показать, что такое речь.

Таким образом, выделяются три способа передачи информации посредством:

- I. Знаков, обозначающих другие знаки,
- II. Знаков, обозначающих вещи, и
- III. Самих вещей, показываемых без знака.

Примеры знаков, обозначающих знаки: «жест», «буква»; знаков, обозначающих вещи: «стена», «камень».

Все вещи подразделяются Августином на *sensibilia* – чувственно постигаемые и *intelligibilia* – умопостигаемые. Кроме того, предоставляется возможность выделить и *significabilia* – сигнификабельные вещи, т.е. вещи, могущие быть обозначенными.

Разбирая первый способ передачи информации (посредством знаков, обозначающих знаки), Августин выделяет среди них:

I.A. Знаки, которые не могут быть обозначены посредством обозначаемых ими знаков, например: «союз» обозначает «если», но «если» не обозначает «союз».

I.B. Знаки, которые могут быть обозначены посредством обозначаемых ими знаков, среди которых выделяются три разряда:

I.B.1. Знаки, обозначающие пересекающиеся объемы. Так, например, «слово» есть знак, но не всякий знак есть слово.

I.B.2. Обозначающие один объем, но разными способами, как, например, *verbum* и *nomen*. *Verbum* производится Августином от *verberando* (бью), а *nomen* от *noscendo* (знаю); таким образом, и *verbum*, и *nomen* обозначают слово, но *verbum* по отношению к звуку и слуху, а *nomen* по отношению к разуму, к душе.

1.В.3. Различающиеся только по звучанию, как латинское *nomem* и греческое *ῥονομα*.

По отношению к выделенному нами пункту 1.В.2. проводится достаточно длинная аргументация, направленная на то, чтобы доказать, что всякое слово есть имя, причем Августин не различает имя и подлежащее, что характерно для современной ему грамматики. Так, в предложении «“Если” подходит, а “поскольку” не подходит», «если» и «поскольку» трактуются как имена, хотя в действительности это подлежащие. Таково содержание первых семи глав «De Magistro», глава VII суммирует содержание предшествующих глав.

В VIII–IX главах рассматривается второй способ передачи информации, а именно – посредством знаков, обозначающих вещи. Вещи, обозначаемые знаками в П, – это сигнификабельные вещи. Вообще, считает Августин, следует различать четыре следующих пункта: 1) имя, 2) вещь, 3) понятие имени и 4) понятие вещи. Вещь следует предпочитать понятию о вещи, а понятие знаку. Такова иерархическая система, восходящая, в общем-то, к Аристотелю. Если даже имя кажется предпочтительнее самой вещи, как, например, слово *vitium* (порок, изъян) может показаться предпочтительнее самого порока, то следует обращаться к приведенному выше разделению, откуда видно, что понятие о «пороке» как имени зависит от понятия о пороке как вещи, отсюда понятие о пороке как вещи предпочтительнее, поскольку понятие имени «порок» зависит от нашего знания о самих пороках.

Начиная с X главы, где разбирается третий способ передачи информации при помощи самих вещей, идет критика исходных положений. Так опровергается мнение, что ничему нельзя научиться без посредства знаков. Подобно тому как, наблюдая за ловлей птиц при помощи сетей и силков, можно научиться этому ремеслу, также можно научиться и любому искусству, наблюдая за деятельностью мастера. Далее высказывается еще более сильный тезис: «Вообще нет ничего, что может быть познано посредством знаков». Так, чтобы понять, что означает слово *saraballae*⁴ в предложении «*Et saraballae eorum pop sunt immutatae*» (Дан. 3.27, в синодальном переводе: «И одежды их не изменились»), необходимо заранее это знать, подобным же образом обстоит дело и с другими словами, и со всеми знаками. В слове есть две стороны: звук и значение; если звук воспринимается ухом, то значение имеет смысл только тогда, когда мы знакомы с самой вещью». Таким образом, «слова обладают достаточной силой только для того, чтобы напоминать нам о вещах, но не для того, чтобы посредством них мы познавали вещи (гл. XI).

⁴ В словаре Дворецкого – шальвары, шаровары, Августин дает другое значение.

Вера предшествует знанию, если знаешь, то веришь, но не все, во что веришь, знаешь.

Что бы ни было сказано, слышавший либо не знает, истина это или ложь, либо знает, что ложь, либо знает, что истина. В первом случае он или поверит на слово, или составит мнение, или будет сомневаться. Во втором случае он отвергнет высказанное положение, в третьем случае примет. Но ни в одном случае он не узнает ничего нового. Неверно также и то, что слова служат для передачи мыслей, так как слова не всегда открывают мысли говорящего, а часто служат обману и лжи; не отражают они мыслей и в случае непреднамеренных ошибок в речи, а также тогда, когда слова произносятся как бы автоматически, например, при пении гимна или чтении известного стихотворения. Часто бывает невозможно также установить истинность речи из-за многозначности слов, причем этого не избежать, даже давая точные определения: во-первых, не так уж легко найти достаточное количество хороших специалистов по определениям, во-вторых, все равно невозможно все определить.

Важны не слова и мысли, а сами вещи: «Разве учителя передают ученикам мысли, чтобы те их воспринимали, а не сами науки, которым они следуют в своих лекциях? Или найдется кто настолько безумно любопытный, что пошлет своего сына в школу, чтобы узнать, что думает учитель?» (гл. XIV). Только внутренняя правда является критерием истинности речей – таков итог сочинения бл. Августина. Только с внутренним критерием истины соотносимо все, что человек воспринимает, внешний учитель ничему не учит, а только активизирует эту деятельность, всем же знаниям учит внутренний Учитель в душе.

Так оригинальным способом платоновское учение о знании находит себе обоснование в стоической теории знаков. Впрочем, в основах своей лингвистической теории Августин следует мысли Аристотеля и более близких к нему по времени каппадокийцев, устанавливая иерархическую схему вещь-мысль-слово и ограничивая значение языка для человека. Сущность вещей не может быть вполне выражена словом, что отмечал еще Григорий Нисский: «Мы, по необходимости наложив на вещи как бы знаки, посредством их объясняем друг другу движения ума. А если бы как-нибудь иначе возможно было обнаруживать движение разума, мы перестали бы пользоваться периодической услугою имен, яснее и чище беседовали бы друг с другом, открывая стремлениями разума самую природу вещей, которой занимается ум»⁵. Так же и для Августина характерно это представление о языке как свидетельстве скорее бессилия, чем силы. Тем не менее, возможно, еще со времен своей молодости, когда он преподавал тривиум, Августин сохранил живой интерес как к проблемам речи, так и к исследованию свойств всяких знаков вообще.

⁵ Цит. по: *Флоровский Г.В.* Восточные Отцы IV века. Париж, 1931. С. 142.

Впоследствии это воплотилось в работе «De Doctrina Christiana» (397–426), задуманной как руководство по экзегетике, но, по сути, вылившейся в своеобразную программу «восстановления и исправления наук», создания новой христианской науки, долженствующей прийти на смену ушедшей в небытие языческой. Сочинение «О христианской науке» состоит из четырех книг: первые три трактуют вопросы истолкования Писания, а последняя – его изъяснение.

Таким образом, герменевтика и тесно связанная с ней общая теория знаков и оказываются тем стержнем, на котором строится здание христианской науки. Наука, надо сказать, не представляет для Августина, в отличие от Аристотеля, самостоятельной ценности; в большей степени наука – это средство, а не цель, средство укрепления и распространения веры. Все науки Августин делит на две основные части: науки о знаках и науки о вещах. Первые, куда следует отнести грамматику, логику, математику и некоторые другие, непосредственно составляют фундамент герменевтики. Науки о вещах также бесполезны в этом отношении, среди них особенно важны история, география, естественные дисциплины.

Среди наук о знаках Августин выделяет группу наук, предмет которых изобретен людьми, иначе говоря, произволен. Эти науки, в свою очередь, делятся на два класса: бесполезные и наполненные суевериями, как различные мантики, магия, астрология, а также те науки и искусства, что служат исключительно развлечению: поэзия, театр, изобразительные искусства; и полезные науки о произвольных знаках: письменность, система мер и весов, монетное дело и проч.⁶. «Как бы предупреждая прогив будущих формалистических ухищрений схоластики, – отмечает Г.Г. Майоров, – Августин решительно осудил погоню за синтаксической правильностью в ущерб семантической истинности <...> и указал на бесперспективность исследований, оторванных от предметной практики. «Люди, – писал он, – часто лучше понимают сами предметы, для постижения которых преподаются правила, чем эти запутанные уроки о правилах» («De Doctrina Christiana», II, 55)⁷.

Теперь мы можем судить, насколько задуманная Августином программа была воплощена в жизнь. Естественным развитием заложенных в «De Doctrina Christiana» идей следует считать, по всей видимости, средневековую схоластику, основу которой и составила именно герменевтика. Однако уже к XII веку, времени подлинного расцвета схоластической мысли, необычайно окрепло влияние перипатетизма, мало известного и чуждого Августину, а вместе с тем и усиление именно формальных методов. Как отмечает Г.Г. Майоров, реализация замысла

⁶ См.: *Майоров Г.Г.* Формирование средневековой философии (латинская патристика). М., 1979. С. 232.

⁷ Там же. С. 233.

Августина «не обошлась без деформации первоначального плана». Отдав много энергии экзегетике и гомилической дидактике, средневековые ученые тем не менее «сделали сильный крен в сторону формальных, вербалистских исследований, явно предпочтя синтаксическую сторону семантической»⁸. Что касается влияния Августина на Востоке, то о нем говорить практически не приходится; напротив, именно греческие богословы оказали на Августина определяющее влияние. Грекоязычная мысль развивалась своими собственными путями, на основе своих авторитетов, и, хотя одно время научные интересы западных и восточных мыслителей отчасти совпадали, а отчасти пересекались, накопившиеся со временем различия привели к утрате былого единства.

⁸ Там же.